

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь с чудовищами	6
Краткая история стокгольмского синдрома	10
Случай в Стокгольме	17
Отчаянная Патти Херст	33
Заключение Тимоти Лири	52
3096 дней плена, случай Наташи Кампуш	55
Механизм возникновения Стокгольмского синдрома	148
Любить монстра	152

Жизнь с чудовищами

Я не знаю ни одного серийного убийцы, который был бы похож на Ганнибала Лектора. Во-первых, потому, что среди серийников не было психотерапевтов. Я знаю нескольких врачей, которые унесли ряд жизней, но точно не в извращенной манере. Я не знаю ни одного человека со столь высоким положением в обществе, который был бы каннибалом. Либо был интегрирован в высшие слои и был столь дьявольски безумным.

Чтобы определить преступника, составить его профайл, мы должны понять способ его мышления, поставить себя на его место, понять и в конечном счете опередить его. Работа профайлера заканчивается в сознании убийцы. Он видит тебя, а ты его. Быть с ним настоящее волшебство, у него есть ключ, или окно, через которое он наблюдает за тобой. Таким образом, он смотрит, наблюдает за тобой. Точно так же, как и ты за ним. Когда я рисую для него картину, он видит и понимает, куда я пойду, каким будет мой следующий шаг. Таким образом, серийный убийца завершает составление психологического портрета самого профайлера. В этом и состоит суть работы криминального психолога. Установить невидимую связь между собой и убийцей.

Как началась моя жизнь среди чудовищ? Это был 1946 год. Город был охвачен паникой: в Чикаго появился маньяк, убивающий молодых девушек. Отец работал в Chicago Tribune, и у нас дома всегда было много номеров этой газеты. Меня поразила тогда одна деталь: убийца написал помадой своей жертвы следующую фразу: «Ради бога поймай меня быстрее, чем я снова убью. Я больше не могу себя контролировать». Очень скоро было совершено новое преступление. Преступник убил и расчленил тело женщины. Части ее тела были найдены в разных частях города. Что за человек способен на такое? Человек ли это вообще? Как ребенок я не мог представить себя на месте убийцы, но мог представлять себе то, как я расследую это дело.

Весь город был охвачен паникой. Многие родители стали забирать своих юных дочерей из школы, опасаясь маньяка. Tribune тогда оказалась в самом центре расследования. В ка-

ждом выпуске содержались новые подробности расследования «убийцы с помадой». Конечно, я был немного напуган, но в большей степени очарован. Я все чаще и чаще пытался себя поставить на место убийцы и именно тогда впервые задумался о том, что это могло бы помочь следствию. Чем больше мы понимаем преступника, тем легче предугадать его следующий шаг, легче его поймать. Так зародилась идея создания метода профилирования преступника.

Летом 1946 года мы играли исключительно в детективов. Мы представляли, как отслеживаем убийцу, арестовываем и допрашиваем преступников. Когда Уильям Хайренс, тот самый «убийца с помадой» был пойман, мои ровесники охладели к этим играм, но не я. В некотором смысле я играю в нее до сих пор. Помню, меня поразило то, что такой молодой Хайренс оказался способным на такую жестокость и хладнокровие. Тот факт, что он весьма трезво оценивал свои возможности и тщательно скрывал следы преступления, говорил о том, что он контролировал свои действия, но так ли это было на самом деле? Осознанный ли это выбор убийцы или какая-то непостижимая, темная сила толкает преступника на совершение убийства?

Потом были долгие годы учебы и работы в ФБР. Уже в Квантико, когда я преподавал патопсихологию, мы довольно часто летали на международные пресс-конференции. Именно тогда, на одной из них я и использовал впервые термин «серийный убийца». Тогда преступления наподобие тех, что совершал «сын Сэма» Дэвид Берговиц, назывались «убийством незнакомцем», а такие преступники именовались «чужими убийцами». Мне этот термин не нравился, так как он был недостаточно точным. Довольно часто жертва знала своего убийцу. На одной из конференций мы обсуждали серии убийств, краж, поджогов — преступлений с единым способом организации. Тогда-то я и применил этот термин, а затем стал часто употреблять его на лекциях со своими студентами. Серийные преступления случались все чаще, и начальство было обеспокоено тем, чтобы найти метод наиболее быстрого поиска таких преступников, поэтому этот термин и прижился.

Оглядываясь назад, я думаю, что в моем сознании сработала аналогия с приключенческими сериалами по субботам. Каждые выходные мы спешили в кино, чтобы увидеть следующую серию. Такой интерес объяснялся тем, что в конце каждой серии была так называемая «вешалка», «крючок», ход сценариста, с помощью которого накал конфликта в конце не

понижается, а, наоборот, повышается на десяток-другой градусов, оставляя зрителя в закипающем состоянии. Из-за этого зритель оставался в подвешенном, неудовлетворенном расположении духа и готов был пойти на все, лишь бы узнать, что было дальше. Подобный механизм работал и с маньяками. Сам акт убийства оставлял преступника в подвешенном состоянии. Он не удовлетворен. Он мог сделать это лучше. «Ах, я сделал это слишком быстро или медленно, доставил слишком много страданий или наоборот».

Большинство людей думает, что такие преступники похожи на Джекила и Хайда. Вот он вежливый, воспитанный и рассудительный человек, а вот уже у него растут клыки и когти. Серийные убийцы не такие. Мир преступника переполнен и отравлен фантазиями, которые, с одной стороны, дают им импульс к жизни, а с другой — толкают на новые преступления.

Этапы профилирования

Стадия ассимиляции. На этом этапе изучается вся доступная информация о совершенном преступлении. Фотографии с места преступления, отчеты о проведенном вскрытии, полицейские отчеты и показания свидетелей, а также, что в особенности важно, профиль жертвы.

Этап «классификации» предполагает интеграцию полученной информации, которая позволяет классифицировать преступника, определить, какой перед нами тип преступной личности: организованный или дезорганизованный. Организованные убийцы социализированы в обществе, способны планировать свои действия, оставляют крайне мало улик и зацепок. Дезорганизованный тип личности действует под влиянием импульса и имеет весьма скромные навыки социализации. В случае с убийцами такие личности нередко хотят вступить в половую связь с жертвой. Дезорганизованный тип не планирует своих действий и не способен к сокрытию улик.

После классификации наступает этап реконструкции, в рамках которого профайлеры изучают поведенческие особенности преступника, пытаются восстановить образ действия и способ мышления преступника в момент совершения деяния.

После этого профайлер обязан определить «модус operandi» преступника — его визитную карточку, то, что является главным для него в преступлении, что удовлетворяет его психологические потребности.

Сопоставляя способ совершения и «модус операнди», находя взаимосвязи и наличие промежуточных преступлений, профайлер может переходить к этапу создания профиля. В нем может и должна содержаться максимально подробная информация относительно правонарушителя, демографические характеристики, характеристика семьи, военный статус, образование, личностные характеристики, а также профиль может содержать рекомендации следователю о методе проведения допроса или интервью.

Профиль преступника является одним из инструментов в арсенале следователя. Именно эта методика помогает нам хотя бы приблизиться к пониманию того, что толкает человека к краю пропасти, что служит отправной точкой в становлении его личности. Как человек превращается в монстра? Наша задача — попытаться на время стать монстром и суметь вовремя отвернуться от бездны, которая вечно смотрит на тебя.

Роберт Кеннет Ресслер

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СТОКГОЛЬМСКОГО СИНДРОМА

Вам нравится сказка о Красавице и чудовище? Никогда не хотелось встретить человека, который для всех был бы монстром, но лишь для вас прекрасным принцем? Может быть, тогда вам по душе сказка о Дюймовочке или Мальчике-с-пальчике? Неужели никогда не хотелось иметь друга или любимую, которая помещается в карман и целиком и полностью зависит от вас, потому как вы единственный человек, способный ее защитить? Быть может, вам хотелось, чтобы вас кто-то пришел и спас? Кардинально изменил вашу жизнь? Или же заставить кого-то полюбить себя? Неужели, нет? Серьезно? Никогда не хотелось стать главным и единственным человеком, стать целым миром для своей второй половины? Если хотя бы на один из этих вопросов вы ответили согласием, у вас есть все предпосылки для того, чтобы стать жертвой стокгольмского синдрома. Если на все вопросы ответ отрицательный, скорее всего, вы попросту врете.

Каждого человека можно поставить в положение жертвы, и у каждого можно выработать патологическую реакцию симпатии к своему мучителю. Вопрос лишь в том, как трансформируется эта симпатия с течением времени. Вот здесь все зависит от личности.

Стокгольмский синдром — ситуация, в которой жертва начинает испытывать симпатию к агрессору, влюбляется в собственного мучителя. Ни в одной классификации болезней вы не найдете диагноза «стокгольмский синдром». По одной простой причине — этот психологический феномен является нормальной реакцией человека, желающего выжить, это вовсе не патологический механизм защиты от стресса, как иногда пишут в различных статьях. Как и всегда, любая норма может перейти в патологию. Все зависит от интенсивности и длительности переживаний.

Впервые этот термин использовал известный психиатр Нильс Бейерт для описания психологического феномена, с которым ему пришлось столкнуться в 1973 году. К тому времени он уже был одним из самых известных и уважаемых психиатров не только в Швеции, но и во всем мире. В основном Нильс занимался проблемами борьбы с нарко-

манией, именно с этой темой были связаны все его научные статьи тех лет. Ученый с 1958 года сотрудничал с полицией Стокгольма, часто выступая в роли консультанта в особенно сложных случаях, а с 1965 года Бейерт стал работать терапевтом в тюрьме предварительного заключения Стокгольма. Эта работа, хоть и не самая денежная и престижная, могла обеспечить его достаточным материалом для исследования проблемы наркомании среди людей с антисоциальным поведением. Помимо прочего, эта должность укрепила связи Бейерта с полицией Стокгольма, и его все чаще стали приглашать в качестве консультанта.

В августе 1973 года все внимание Швеции сосредоточилось на одном из отделений «Кредитбанка» в самом центре Стокгольма. Двое преступников и четыре заложника. Невероятное для Швеции преступление, о котором будет подробно рассказано в следующей главе книги. Самым удивительным в этой истории было даже не то, что случилось во время шестидневной драмы, а то, что произошло после освобождения заложников. Никто из пострадавших не пожелал выступить с обвинением преступников, более того, заложники оплатили адвокатов для своих мучителей и впоследствии многие десятилетия поддерживали теплые, дружеские взаимоотношения.

Для описания феномена, примером которого стало это ограбление, Нильс Бейерт и использовал этот термин. В данном случае слово «синдром» обозначало лишь набор психологических симптомов, не более того. Однако в массовом сознании это слово ассоциируется с болезнью, поэтому и данный феномен стали считать болезнью, сходной, к примеру, с посттравматическим расстройством личности, что в корне неверно. Стокгольмский синдром предполагает лишь ситуацию возникновения симпатии жертвы к агрессору.

Четверо заложников Ян Олссона в течение шести дней были вынуждены находиться в маленькой комнате хранилища банка, а затем отказались от всех претензий к преступникам. Девятнадцатилетнюю дочь главы медиахолдинга похищают из дома, а затем два месяца держат в шкафу. За день до освобождения Патти Херст отказывается от свободы и сбегает с преступниками. В 1991 году одиннадцатилетнюю Джейси Ли Дугарл похищают на остановке школьного автобуса. Филипп Гарридо и его жена Ненси удерживали девочку на протяжении 18 лет. В четырнадцать Джейси родила от мучителя дочь, через три года — еще одну. Когда маньяка арестовали, Джейси Ли стремилась помешать аресту: скрывала свое на-

стоящее имя, выдумывала легенды о происхождении дочерей. Филипп получил срок в 431* год, его жена — 36 лет за решеткой. Из дома, где она жила в плену, Дугард забрала к себе пять котиков, двух собак, трех попугаев, голубя и мышшь.

В 1996 году в столице Перу Лиме одетые официантами члены «Революционного движения имени Тупака Амару» (MRTA) захватили более 600 гостей посла Японии. В резиденции проходил прием в честь дня рождения императора. Через две недели 220 заложников вернулись домой. Всего за время осады переговорщикам удалось освободить 549 человек. «Лимским синдромом» с того времени называют ситуацию, когда захватчики идут на уступки из-за симпатии к жертвам. Освобожденные заложники отвечали взаимностью и публично поддерживали MRTA. Последние заложники оставались в плену четыре месяца. Власти Перу обвиняли в преступном бездействии, но в это время под резиденцию подводили туннель. Через него спецназ проник в помещение. Только 1 из 14 экстремистов погиб в перестрелке. Остальные сдались и были расстреляны на месте.

В 2002 году 14-летнюю Элизабет Смарт похитили из кровати. Через 9 месяцев девочку нашли в доме уличного проповедника Брайана Митчелла, который планировал сделать ее одной из семи своих жен. Митчелл надевал на Элизабет вуаль и гулял с ней по улицам. Она не делала попыток убежать, скрывала от посторонних лицо и настоящее имя.

В 2007 году Шону Хорнбеку было 11 лет, когда его похитил Майкл Девлин. Мальчика били, насиловали, заставляли сниматься в домашнем порно. Мучения продолжались четыре года, пока маньяк не выкрал еще одного ребенка. У этого преступления был свидетель, и в дом педофила нагрянула полиция. В ходе расследования выяснилось, что Шон имел относительную свободу и доступ к Интернету, но не делал попыток сбежать или сообщить о себе родным.

Во всех перечисленных случаях срабатывал один и тот же механизм психологической защиты.

Оказываясь в стрессовой ситуации, человек вынужден использовать те или иные защитные стратегии (копинги).

* В США наказания суммируются, поэтому можно получить и сто лет тюрьмы, и несколько пожизненных. Если человек получил три срока, значит признан виновным в совершении трех преступлений. Если три пожизненных — значит все три преступления из разряда особо опасных. После смерти заключенного будет считаться, что он отбыл каждое из пожизненных заключений. — *Прим. ред.*

Они могут быть конструктивными или деструктивными, направленными на решение проблемы или же на восстановление эмоционального равновесия и пр. Оказываясь в ситуации критического стресса, у большинства людей происходит регресс. Жертва будто бы возвращается в детство, в этот момент эмоциональное развитие человека вполне можно сравнить с эмоциональным интеллектом ребенка. Ведь к ребенку меньше требований, да и не отвечает он ни за что. Главное — слушаться старших. Оказавшись в таком незащищенном положении, человек предлагает агрессору роль мудрого отца. Он должен хвалить за правильное поведение и наказывать за неправильное. Таким образом, жертва объясняет и оправдывает положение агрессора, ну а человек в доминантном положении обязан не только наказывать, но и поощрять. Так начинают расти и развиваться человеческие взаимоотношения в той ситуации, в которой по всем законам логики их появиться не должно.

Затем постепенно человек начинает долгий путь возвращения к своему привычному эмоциональному состоянию. Желая объяснить поведение агрессора, жертва начинает ставить себя на его место, пытаться понять позицию агрессора и увидеть в нем не чудовище, но человека со своими достоинствами и недостатками. Этот процесс имеет вполне логичное объяснение, отразившееся в известной народной мудрости. Как вы относитесь к человеку, так и человек относится к вам. Если вы видите перед собой хищника, то и хищник в вас будет видеть жертву. Попробуйте наладить контакт с агрессором, без конца повторяя про себя, что он монстр. Вряд ли у вас получится выстроить подобие доверительных отношений. Итак, человек, желая выжить и сохранить свои представления о мире, в котором нет людей-чудовищ, пытается объяснить и оправдать поведение агрессора. Таким образом, в действие вступает механизм психологической защиты, который впервые описала Анна Фрейд в далеком 1936 году, задолго до первого описанного случая стокгольмского синдрома. Ссылаясь на работы своего отца, создателя психоанализа Зигмунда Фрейда, Анна описала защитный механизм идентификации с агрессором. Для иллюстрации этого феномена психолог приводила пример девочки, которая очень боялась темноты. По мнению ребенка, в темных комнатах жили призраки. Она всякий раз с ужасом воспринимала новость о том, что ей придется пройти по неосвещенному помещению. Однажды все изменилось. Девочка стала пробегать по комнате легко и быстро,

правда, теперь она делала при этом странные пассы руками. Выяснилось все просто. Девочка поделилась своим секретом с братом: «Я теперь больше не боюсь привидений. Я знаю, как с ними бороться. Чтобы не бояться привидений, нужно стать самой привидением». Чтобы не страдать в положении жертвы, человек ставит себя на место агрессора и начинает исходить из логики другого человека. Что в этом плохого? Это же помогло девочке избавиться от собственных страхов, в конце концов. Как и всегда, этот механизм психологической защиты может, как помочь, так и навредить. Все бы ничего, до тех пор, пока жертва, следуя чужой логике, не начинает вредить себе.

Психоаналитик Вамик Волкан в 60-х годах XX столетия работал в США в Северной Каролине в госпитале Черри для душевнобольных. В то время это была сегрегационная лечебница, куда принимали только черных пациентов. Это было на бывшем рабовладельческом Юге за полвека до того, как Барак Обама стал первым чернокожим президентом США. Пациенты клиники были черными, а весь персонал — белыми. Волкан пишет: «Я заметил, что чернокожие пациенты госпиталя Черри пытались идентифицироваться со своими белыми угнетателями; бредовая вера чернокожего, что он “белый”, была явлением довольно распространенным. У двух пациентов была лейкодерма в виде пятен “белой” кожи; они имели полностью “кристаллизованный” бред о том, что они белые» (Volcan, 1966).

Польский психолог и психиатр Антон Кемпенский (1918—1972), бывший заключенный концентрационного лагеря Освенцим, описал типичные случаи, когда в лагерях назначались старшие по бараку из числа узников, и эти люди выказывали даже большую жестокость в отношении своих собратьев по несчастью, чем надсмотрщики из числа нацистов. Они идентифицировались с агрессором в этой экстремальной ситуации в бессознательной надежде, что если они — тоже агрессоры, то их минует участь всех остальных узников лагеря смерти.

Все это крайние проявления идентификации с агрессором — защитного механизма, лежащего в основе появления стокгольмского синдрома. Самое ужасное в этом процессе — тот факт, что, ставя себя на место агрессора, человек перестает быть собой. Зачем нужно видеть в агрессоре человека? По одной простой причине — только в этом случае агрессор сможет увидеть в жертве человека. Если агрессор видит перед собой не врага и не жертву, а точно такого же человека со своей историей, ему будет намного сложнее проявить к жертве жес-

токость. Жертва же видит то, что агрессор проявляет снисхождение: мог ударить, но не ударил, мог убить, но не убил, кормит, заботится. Так жертва начинает испытывать благодарность к агрессору.

Кого больше всего боится агрессор? Действий властей в свой адрес. Этот же страх поселяется и в жертве. Человек видит своего мучителя, узнает его, понимает, видит в его действиях логику. Если в жестокости есть логика, ее можно избежать — нужно только правильно себя вести. А вот на что пойдут власти? Эта угроза непонятна и, следовательно, кажется более опасной. В тот момент, когда жертва начинает испытывать страх перед внешним врагом, наступает вторая фаза стокгольмского синдрома. Чем слабее связи жертвы с внешним миром, тем больше вероятность того, что она начнет симпатизировать агрессору. Третья стадия наступает не всегда — ответная реакция агрессора. Третья стадия предполагает наступление взаимной симпатии. Ничто так не сближает людей, как общий враг. Верно? Так и возникает этот вид травматической связи между жертвой и агрессором.

Раньше этот термин применялся исключительно к ситуациям, связанным со взятием в заложники, но впоследствии сфера применения данного термина расширилась. Тюрьмы, военные операции, некоторые национальные обряды (похищение невесты) и, наконец, авторитарные межличностные отношения. Случай Наташи Кампуш, описанный в книге, ярко иллюстрирует бытовой стокгольмский синдром, который встречается значительно чаще, чем можно себе представить.

Какой процент людей подвержен стокгольмскому синдрому? Ответить на этот вопрос практически невозможно. По статистике ФБР — 8% заложников, по другим данным — до двадцати, ну а в отношении бытового синдрома эту цифру назвать невозможно. По понятным причинам женщины сильнее подвержены этому синдрому. Люди, воспитанные в авторитарной семье, склонные к самоуничтожению, с низкой самооценкой, — все это факторы риска. Представьте себе, что агрессор проводит кастинг на роль жертвы. Преступник врывается в банк, и у него есть минута, чтобы выбрать одного единственного заложника из нескольких десятков людей. На осознанный выбор времени нет, и в игру вступает подсознание. Конечно, каждого человека можно заставить примерить на себя роль жертвы. И, тем не менее, подсознательно агрессор всегда выбирает того, кому больше подходит эта роль. Зажатые, забитые люди, которые ненавидят свою жизнь и страстно мечтают ее изменить, — лучше всего подходят на эту роль.

Намного интереснее то, что происходит дальше. Если бы не этот интерес, половина сценаристов Голливуда попросту лишилась бы работы. Интерес к феномену возникновения такого рода отношений появился намного раньше, чем сам термин.

А дальше отношения развиваются, как и любые другие. В этой книге рассмотрены наиболее яркие и хрестоматийные случаи возникновения стокгольмского синдрома. Случаи террористических захватов, военных операций, концентрационных лагерей по этическим соображениям мы решили оставить за пределами этой книги. Описывая случаи Яна Олссона, Патти Херст и Наташи Кампуш, мы точно так же, как и так называемые «жертвы стокгольмского синдрома», пытались понять мотивы агрессоров. В случаях террора понять этих людей и тем более описать их мотивы в книге слишком сложно, да и неэтично.

СЛУЧАЙ В СТОКГОЛЬМЕ

23 августа 1973 года в 10 часов утра раздался выстрел, ознаменовавший начало драмы, продлившейся 131 час. Именно столько времени понадобилось Яну Олссону, чтобы навсегда перевернуть мир четырех людей. Когда все было позади, шведский криминалист Нильс Бейерт начал изучать подробности этой истории, он же и назвал феномен, свидетелями которому стал весь мир, стокгольмским синдромом. Всего через полгода, в феврале 1974 года, мир будет наблюдать в прямом эфире уже за другой драмой. Случай Патти Херст впоследствии назовут самым ярким и показательным случаем стокгольмского синдрома в истории.

В те жаркие августовские дни в Стокгольме город был погружен в летнюю полудрему. Дети пытались насладиться последними днями лета, домохозяйки были заняты обсуждением дневных телевизионных шоу, а служащие отсчитывали оставшиеся до конца рабочего дня минуты. Причем отсчет начинали ровно с восьми утра, именно в это время начинало свою работу большинство магазинов, банков и официальных учреждений города. Вот уже очень давно в одной из самых благополучных столиц Европы не происходило ничего, ни хорошего, ни плохого. Главными темами всех новостных выпусков были ухудшающееся состояние здоровья короля Густава Адольфа Шестого и предстоящие выборы премьер-министра.

Девяностолетний король Густав вот уже неделю как был при смерти. Воспаление легких дало осложнения, и доктора давали совсем не оптимистичные прогнозы. Желая быть первыми, кто расскажет о смерти короля, журналисты пяти различных телеканалов денно и нощно дежурили возле королевского дворца в центре Стокгольма.

Неприметное отделение «Sveriges Kreditbank» располагалось в самом сердце города, всего в паре кварталов от королевского дворца на площади Нормальмсторг. Бриджитт Ландблэд, Кристин Энмарк, Элизабет Олдгрэн и Свен Сафстром с восьми часов утра маялись от скуки на работе. Был четверг, и все добропорядочные граждане в это время трудились в поте лица, в отделении банка сейчас не было ни одного клиента. Да и вообще за два прошедших с начала работы часа здесь побы-

вала лишь пара человек. Девушки-операционистки тихо переговаривались между собой о том, как протекает беременность Элизабет Олдгрен, когда приедет машина с зарплатой для полиции и как поживает матушка их начальника Свена Сафстрома. Сам администратор Свен для порядка периодически хмуро поглядывал на них, но замечаний все же не делал. Тут дверь отделения тихонько скрипнула, и внутрь вошел грузного вида мужчина преклонного возраста. Девушки тут же притихли. Старик присел к одной из операционисток и стал рассказывать о своей проблеме. Его пространный рассказ прервал жалобный писк резко распахнутой двери. В проеме появился чернокожий мужчина, выглядевший, по меньшей мере, странно. Половину лица его скрывали солнцезащитные очки, а прическа в виде копны торчащих в разные стороны темных волос и вовсе вводила в ступор. Довершал образ плащ, в котором мужчине явно было жарковато. Приглядевшись, становилось понятно, что прическа — модный в те годы диско-парик.

Все в отделении банка притихли и стали с интересом наблюдать за странным посетителем. Мужчина встал в центре зала и вытащил руку из кармана. Девушки испуганно ахнули. В руках у мужчины был пистолет. Тот демонстративно снял оружие с предохранителя, направил его вверх и выстрелил.

— Вечеринка начинается! — закричал грабитель на хорошем английском.

Все участники событий буквально застыли в тех же самых позах, в каких они увидели пистолет в руках странного типа в парике. Кристин вцепилась пальцами в карандаш, который держала, Свен стоял, взявшись за ручку двери ведущего в хранилище банка... Бриджит опомнилась первой. Молодая женщина нащупала под столом кнопку сигнализации и нажала ее. Через пять минут должна приехать полиция, осталось только потянуть время.

Грабитель посмотрел на Свена, все так же продолжавшего держаться за ручку двери, и приказал вести его в хранилище. Администратор не в состоянии был сейчас произнести хотя бы слово, язык буквально прилип к небу, а взгляд его продолжал буравить пистолет в руках преступника. Ян приказал женщинам лечь на пол и поднять руки за голову.

Полицейский патруль уже подъехал к зданию банка. Хранители порядка предполагали встретить в отделении простого хулигана или случайно забредшего пьяницу. Предположить, что кто-то решит ограбить банк в самом центре города, никто не мог. Увидев в стеклянных витринах мужчину в пари-

ке, они сразу поняли, что что-то не так. Двое полицейских отправились внутрь.

— Всем стоять, оружие на пол, — крикнул один из копов.

Ян Олссон среагировал моментально. Даже не расслышав просьбу полицейских, он развернулся и выстрелил. Инстинктивно. Пуля попала в руку одного из полицейских, Ингмара Варпфельдта. Мужчина тут же сполз на пол, скорчившись от боли.

— Оружие на пол и сядь в кресло! — приказал Ян Олссон.

Вид у него становился все более растерянным. Было заметно, что он не ожидал такого поворота событий. Полицейский подчинился приказу. Он осторожно начал опускать пистолет на пол, а затем все так же осторожно, глядя на пистолет грабителя, сел в кресло при входе в отделение банка. Оно предназначалось для охранника, который вот уже несколько дней как уволился.

В небольшой комнате банка воцарилась гнетущая, вязкая тишина.

— Что вы молчите?! — заорал Ян Олссон, которому невыносимо было больше терпеть это повиснувшее в воздухе напряжение. Казалось, еще секунду, и чьи-то нервы не выдержат. Каждое неосторожное движение могло сейчас стоить жизни. На полу один из полицейских корчился от боли. Эти хрипы были еще страшнее тишины.

— Ты, — Ян указал на сидящего в кресле полицейского, — спой что-нибудь, — приказал преступник.

Поначалу полицейский даже не понял, чего от него хотят. Попросту не расслышал. Тогда Ян Олссон повторил свой приказ и приставил к ноге несчастного дуло пистолета.

Сначала тихо, а затем все громче послышалась песня «Одинокий ковбой». Тот факт, что его приказы исполняют, придал Яну Олссону уверенности.

— Я не намерен смотреть на весь этот цирк. Ты видишь, что полицейский ранен? Ему нужна помощь врачей, поэтому ты сейчас наспустишь, — категорично сказал пожилой мужчина, все это время наблюдавший за происходящим из кресла посетителя.

Ян Олссон продолжал сжимать в руках оружие, но видно было, что с каждой секундой уверенность его тает на глазах.

— Ты слышал, что я сказал, сейчас ты наспустишь, — начинал сердиться мужчина, параллельно помогая встать раненому полицейскому. За окном уже начинали съезжаться полицейские машины. На шум выстрелов прибежали журнали-